

В углу тихо чадила курильница. Суровому Мехмед-аге было не по себе. Более того, он, познавший радость сотен побед, наслаждавшийся объятиями прекрасных женщин, сейчас был напуган, как мальчишка.

— Не бойся, достойный воин! Твоя судьба видна мне далеко вперед... Ты вскоре покинешь мой приют...

— Я не боюсь, колдунья. Да и почему я должен бояться какой-то древней старухи?

Колдунья усмехнулась и покачала головой.

— О моей древности мы поговорим чуть позже. Сейчас же речь идет о твоём доме и о твоей судьбе...

— О да, — Мехмед-ага согласно склонил голову. — Более я беспокоюсь о доме, а потом уж о будущем...

— Не лги, воин... О доме ты думаешь спокойно, без волнения... Так размышляют о красотах природы и вечности скал. И ты прав. Ибо твои дети выросли и судьба их определена. Жена...

Тут колдунья замялась. Мехмед-аге показалось, что она внимательно вглядывается в самую душу тусклого пламени.

— ...О, прости меня, воин, ты вдов... Так вот почему ты думаешь о будущем... А теперь дай мне коснуться твоего кинжала.

— Кинжала? Почему?

— Глупец... Я вижу, как ты им дорожишь, считаешь частью самого себя.

Нехотя Мехмед-ага протянул кинжал. Та благоговейно приняла его, кончиками пальцев прошлась по драгоценной эмали ножен, обнажила клинок. Узкое обоюдоострое лезвие вспыхнуло, вызолоченный узор у рукояти заиграл всеми оттенками красного.

— Что ж, достойнейший... Ждет тебя жизнь долгая, полная битв и любви. Ты еще будешь женат. Дети, что народаются от этого союза, многие поколения будут хранить этот удивительный кинжал. Более того, некогда он соединит судьбы, которые более не под силу будет соединить никому.

— И это все? — Мимо воли в голосе Мехмед-аги сквозило разочарование. — Кто будет моей избранницей? Где искать ее?

— О-о-о, воин, — голос колдуньи вдруг стал бархатным и зовущее-нежным. — Теперь самое время поговорить о моей древности.

И откинула покрывало. Душа Мехмед-аги замерла, ибо прекраснейшая, желаннейшая из женщин мира сейчас держала в руках драгоценный клинок.

Макама первая

Было это в те времена, когда жили в прекрасных странах под рукой Аллаха милосердного и всемилостивого не только люди и звери, птицы и гады, но и джинны и ифриты. И даже, о Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими, говорят, что являлся иногда и сам покровитель темных сил, Иблис Проклятый. Люди жили в мире и войнах, звери — в охоте и праздности, ифриты — в услужении, а джинны — в погоне за чудесами. И была в этом гармония, которую могло нарушить лишь событие необыкновенное. Оно и сломало этот устоявшийся порядок вещей.

В прекрасном городе Александрии, городе огромном и многолюдном, жил визирь Джамал, правая рука наместника самого халифа, голос рассудка и справедливости властелина. Визирь Джамал растил двоих сыновей — Салаха и Рашида. Мальчишки были на-

деждой отца, его гордостью и самой большой заботой. Ибо одному Аллаху ведомо, сколько забот могут доставить близнецы, любопытные и проказливые.

Но время воистину великий мудрец, лекарь и учитель. С возрастом сыновья визиря остепенились, голос отца наконец достиг их рассудка. И с той поры не было у наставников более прилежных учеников, а у визиря Джамала — более послушных и надежных помощников. Да и дружили братья, понимали друг друга с полуслова. И было так до того дня, когда исполнилось им по семнадцать лет и семнадцать дней.

Наступил вечер, когда зной полудня сменился долгожданной прохладой. Над городом во славу Аллаха милосердного воссияла мириадами звезд великолепная ночь, благословенная прохладная нега разливалась по улицам и дворам, остывал уставший за день город. Братья устроились в беседке посреди сада, и крошечный ручеек пел им свою тихую песню.

— Брат мой, — задумчиво проговорил Салах, — скажи мне, думал ли ты о том, что нам приготовила судьба?

Рашид чуть удивленно посмотрел на близнеца.

— Аллах милосердный, Салах, я только что хотел спросить тебя об этом!

Юноши понимающе улыбнулись друг другу. Да, так бывало уже не однажды — они одними и теми же словами отвечали на

вопросы наставников, начинали разговор тоже одновременно. Когда были помладше, Салах и Рашид неоднократно пользовались своим внешним сходством, но сходство внутреннее, душевное, пришло к ним с годами. И сейчас они говорили об одном и том же, и голоса их звучали одинаково.

— Итак, брат, думал ли ты об этом?

— О да, брат мой. Думал, хотя сам корил себя за такие мысли.

— Корил? Отчего же?

— Брат мой, кто, как не ты, должен понять меня! Отец наш пусть уже и не молод, но еще полон сил. К голосу его разума прислушивается не только наместник, но и сам халиф, взвешеннее и благороднее человека нет во всей нашей стране. И недостойно нас, его сыновей, думать о том миге, когда отец утратит силы или впадет в немилость.

— Но, брат мой, речь не идет о немилости или бессиллии. Я размышлял лишь о том, какая судьба ждет впереди нас двоих.

— Надеюсь, что нам не дано будет изведать нищеты или человеческого презрения... А вот судьба... Думаю, отец уже присмотрел нам достойных невест... Думаю, он уже знает и то, кому какой жизненный путь предстоит...

Салаха и в самом деле занимали мысли о жизненном предназначении, но Рашид пока думал больше о телесном, чем о духовном. И потому слово «невесты» вызвало целую бурю в его сердце.

— А представляешь, брат мой, как было бы удивительно, если бы мы женились в один день...

Салах посмотрел в горящие глаза брата. О нет, ранее он старался не думать ни о свадьбах, ни о грядущем...